

Трубецкой Сергей Николаевич

Учение о логосе в его истории

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
С32

С32 **Сергей Николаевич Т.**
Учение о логосе в его истории / Трубецкой Сергей Николаевич – М.: Книга по Требованию,
2023. – 466 с.

ISBN 978-5-519-77513-7

ISBN 978-5-519-77513-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ВВЕДЕНИЕ.

Понятіе Логоса связано съ греческой философіей, въ которой оно возникло, и съ христіанскимъ богословіемъ, въ которомъ оно утвердилось. Какимъ образомъ христіанство усвоило это понятіе для выраженія своей религіозной идеи и насколько оно въ дѣйствительности ей соотвѣтствуетъ — вотъ историческій и философскій вопросъ капитальной важности, которому посвящено настоящее изслѣдованіе. Греческая культура и христіанство лежатъ въ основаніи всей европейской цивилизаціи; каково внутреннее отношеніе этихъ двухъ началъ?

Въ наши дни въ новѣйшей протестантской исторіографіи постоянно приходится встрѣчаться съ мнѣніемъ, что раннее христіанское богословіе съ его ученіемъ о Логосѣ есть продуктъ элленизаціи христіанства, его замутненія языческой стихіей, продуктъ своего рода ортодоксальнаго эллинскаго гностицизма. Это мнѣніе высказывается въ связи съ отрицательнымъ отношеніемъ къ греческой философіи, въ связи съ отрицательнымъ отношеніемъ къ умозрѣнію вообще. И оно высказывается въ связи съ новѣйшимъ антидогматическимъ взглядомъ на христіанство, согласно которому оно есть нравственное ученіе по преимуществу, а евангеліе Христа есть лишь евангеліе совершенной морали, обнимающей отношенія человѣка къ Богу и ближнимъ.

Вѣрно ли такое пониманіе христіанства? Намъ кажется, что историческое изслѣдованіе идеи Логоса, которая проникаетъ уже въ первое и наиболѣе чистое выраженіе христіанства, въ Новый Завѣтъ, поможетъ намъ освѣтить этотъ вопросъ. И далѣе, справедливо ли отрицательное отношеніе къ греческой философіи, къ умозрѣнію вообще? Намъ могутъ замѣтить, что это уже вопросъ оцѣнки, который не можетъ быть рѣшенъ путемъ чисто историческаго изслѣдованія,* а долженъ составлять предметъ самостоятельнаго философскаго обсужденія. Но, какъ мы думаемъ, лишь историческое изслѣдованіе можетъ дать матеріалъ и основаніе для правильной

философской оцѣнки. Идея Логоса, всемірнаго, божественнаго Разума, зародилась въ греческой философіи. И тѣмъ не менѣе, есть ли эта идея лишь результатъ отвлеченнаго умозрѣнія, которое произвольно гипостазируетъ разумъ, какъ свое начало, и, отправляясь отъ формальной всеобщности логическаго понятія, признаетъ универсальный Логосъ божественнымъ началомъ міра? Есть ли эта идея Логоса лишь результатъ безпочвеннаго отвлеченія, или же она есть также результатъ реальнаго, духовнаго, нравственнаго опыта, пережитого и продуманнаго человѣчествомъ? Чтобы отвѣтить на эти вопросы, мы должны обратиться къ исторіи. Мы должны сперва разсмотрѣть идею Логоса въ ея возникновеніи въ связи съ развитіемъ греческаго умозрѣнія, а затѣмъ — тѣ главнѣйшіе факты, которые послужили основаніемъ для христіанскаго ученія о Логосѣ, т.-е. общую исторію Слова Божія, исторію богосознанія въ Вѣтхомъ и Новомъ Завѣтѣ. Въ этомъ состоитъ наша задача. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы выполнить ее съ надлежащею тщательностью и полнотою, чтобы понять христіанскую идею и христіанское ученіе во всей ихъ оригинальности, во всемъ ихъ отличіи какъ отъ греческихъ идей, такъ и отъ національно-іудейскихъ вѣрованій и чаяній, мы должны будемъ, во-первыхъ, разсмотрѣть начатки богословской мысли въ религіозной философіи греко-римскаго періода, — въ особенности въ ученіи Филона александрійскаго, столь повліявшаго на послѣдующую патристику и впервые пытавшагося ввести идею Логоса въ истолкованіе Вѣтхаго Завѣта; а во-вторыхъ, прежде чѣмъ перейти отъ Вѣтхаго Завѣта къ Новому, мы должны будемъ разсмотрѣть религіозную атмосферу еврейства въ эпоху Спасителя, изслѣдовать мессіаническія чаянія еврейской апокалиптики и тѣ дѣйствительные начатки гностицизма, которые мы въ ней находимъ.

Отрицательное отношеніе къ умозрѣнію, смѣнившее собою крайнее увлеченіе отвлеченной философіей первой половины нашего вѣка, начинаетъ уступать мѣсто критическому изученію. Но все же, въ общемъ, господствуетъ недовѣріе и предубѣжденіе. Исторія философіи, исторія идей должна ихъ разсвѣять, и безпристрастная мысль должна признать необходимость умозрительной* философіи.

Идея Логоса несомнѣнно зародилась въ метафизикѣ, но съ тѣмъ высшимъ умозрительнымъ интересомъ, который представляетъ эта идея, несомнѣнно соединяется и практическій

интересъ самаго глубокаго нравственнаго значенія. Имѣеть ли какой-нибудь разумный смыслъ человѣческая жизнь, и если да, то въ чемъ онъ заключается? Имѣеть ли разумный смыслъ и разумную цѣль вся человѣческая дѣятельность, вся исторія человѣчества и въ чемъ этотъ смыслъ или цѣль? Имѣеть ли наконецъ разумную цѣль весь міровой процессъ, имѣеть ли смыслъ существованіе вообще? Это не умозрительные только вопросы, это самые важные практическіе, нравственные вопросы. Положительная наука не можетъ и не берется ихъ рѣшать, но это еще не значить, чтобы они могли быть рѣшаемы только вѣрою, безъ мысли. Ибо тамъ, гдѣ спрашивается о цѣли нашей дѣятельности и о разумномъ смыслѣ нашего существованія, тамъ разумъ имѣеть голосъ.

Всякая разумная, сознательная человѣческая дѣятельность заключаетъ въ себѣ подразумеваемое утвержденіе скрытой цѣли человѣческаго бытія, молчаливое признаніе того, что это бытіе имѣеть положительный смыслъ и цѣль для меня или для другихъ — цѣль, достойную желанія. Безъ такой цѣли бессмысленна жизнь всѣхъ и cadaго, бессмысленна исторія, бессмысленъ самый нашъ разумъ, какъ случай всеобщей бессмыслицы и какъ одно изъ средствъ для поддержанія нашего бессмысленнаго существованія. Безъ такой цѣли нѣтъ прогресса въ калейдоскопѣ явленій, въ эволюціи міра и человѣка, нѣтъ добра и зла, нѣтъ никакихъ нормъ вообще, даже логическихъ нормъ, ибо для дѣятельности самого разума исчезаетъ разумное основаніе.

До извѣстной степени самъ человѣческій разумъ однимъ фактомъ своего существованія протестуетъ противъ такого всеобщаго отрицанія разума. Я мыслю, значить есть смыслъ хотя бы въ моемъ мышленіи, есть разумно-обоснованная дѣятельность хотя бы въ сферѣ моей личной жизни. Но, спрашивается, что значить мой разумъ и какое мѣсто занимаетъ онъ въ общей природѣ вещей? Есть ли онъ лишь случай всеобщаго неразумія, дитя хаоса, случайно зародившееся въ опредѣленный моментъ мірового движенія, чтобы вновь угаснуть въ вѣчной ночи безсознательнаго, или же онъ есть отблескъ высшаго, вѣчнаго свѣта, безконечность котораго онъ отражаетъ въ своей формально-логической всеобщности? Есть ли разумъ начало и конецъ міра, или же — простой эпифеноменъ ничтожной части космическаго движенія, незначительный и случайный эпизодъ безсознательнаго и бессмысленнаго, механическаго процесса? Ясно, что это не простой вопросъ умо-

зрѣнія, а жизненный вопросъ о судьбѣ человѣка и всего человечества.

Среди возрастающаго невѣрія нашихъ дней мы находимъ мало послѣдовательныхъ и безусловныхъ атеистовъ. Если вѣрующіе признаютъ *сущее, предвѣчное* Божество, то большинство современныхъ атеистовъ сознательно или бессознательно вѣрять въ человѣка или въ человечество какъ въ *Божество становящееся*. Многіе современные мыслители, нѣмецкіе и французскіе, прямо высказывали такую вѣру; другіе, что то же самое, вѣрують въ *грядущее* царство Божіе безъ *настоящаго* Бога; большинство вѣруеть въ прогрессъ, т.-е. не въ одну эволюцію, а въ поступательное движеніе человечества къ одной высшей разумной цѣли къ конечному идеалу блага. Безъ признанія такой цѣли нельзя говорить о поступательномъ движеніи, о прогрессѣ человечества, а признаніе такой высшей и всеобщей разумной силы предполагаетъ своего рода вѣру въ Провидѣніе. Въ самомъ дѣлѣ: что это за высшая цѣль, безусловно достойная *всеобщаго* желанія, искупающая всѣ жертвы, всѣ страданія исторіи? Это есть либо объективная провиденціальная цѣль, положенная человѣку волею Творца, либо же цѣль, которую самъ человѣкъ ставитъ себѣ и своимъ ближнимъ: но въ послѣднемъ случаѣ, гдѣ ручательство что цѣль эта истинна, достойна желанія *всѣхъ* людей, гдѣ ручательство, что она достижима и что въ ней — искупленіе и оправданіе исторіи? Быть можетъ, впрочемъ, эта цѣль есть вмѣстѣ объективная и субъективная, не только положенная человѣку, но и предзаложенная въ немъ, въ его духѣ или разумѣ. Возможенъ и такой синтезъ: есть мыслители, которые признаютъ и *сущее*, и *становящееся* Божество и видятъ смыслъ міра въ воплощеніи Сущаго въ Становящемся — въ боговоплощеніи и богочеловѣчествѣ. Но какова бы ни была конечная цѣль человѣка и человечества, человѣческій разумъ не можетъ уяснить ее себѣ, а слѣдовательно не можетъ и уяснить себѣ существованія прогресса помимо умозрѣнія о самой природѣ и значенія разума.

Есть область, въ которой прогрессъ несомнѣненъ — область разума и познанія; здѣсь человечество идетъ къ одной опредѣленной и ясной, достойной цѣли — къ истинѣ, и знаніе даетъ ему все большую и большую власть надъ природой; распространяясь въ массахъ, оно просвѣщаетъ, возвышаетъ, освобождаетъ ихъ, объединяетъ человечество единой культурой. Но развѣ наука можетъ составлять конечную цѣль человечества?

Развѣ можетъ она сама по себѣ дать человѣку полноту блага духовнаго и тѣлеснаго, преобразить человѣка и исполнѣ подчинить ему природу? Если нѣтъ, то не въ ней высшая цѣль человѣчества.

Человѣкъ не можетъ мыслить свою судьбу независимо отъ судьбы человѣчества, того высшаго собирательнаго цѣлаго, въ которомъ онъ живетъ и въ которомъ ему раскрывается полный смыслъ жизни. Индивидуальный человѣческій разумъ развивается и овладѣваетъ собою лишь въ общеніи съ другими существами; лишь въ такомъ общеніи онъ научается слову, которое есть для него не только способъ выраженія мысли, но и способъ мышленія, самообъектированія мысли; только въ общеніи съ ближними человѣкъ становится разумнымъ существомъ, актуально отличнымъ отъ безсловесныхъ, и убѣждается во всеобщемъ логическомъ значеніи своего разума. Конечно, самое общеніе людей предполагаетъ въ нихъ (потенціальную) разумность, способность взаимнаго пониманія; но разумъ дѣйствительный, актуальный, слагается лишь въ обществѣ и черезъ общеніе. Поэтому общество не можетъ разсматриваться какъ случайная сумма или внѣшній агрегатъ человѣческихъ личностей. Его члены взаимно предполагаютъ другъ друга, и если бы не существовало общественнаго цѣлаго, то не могло бы существовать и этихъ членовъ, какъ разумныхъ личностей, — могли бы быть лишь животныя особи человѣческаго вида. Но вмѣстѣ съ тѣмъ общество не есть и простой естественный организмъ, въ которомъ части соединяются по безсознательнымъ физическимъ, химическимъ и біологическимъ законамъ: оно есть продуктъ „надъ-органическаго“, разумаго развитія. Съ одной стороны оно заключаетъ въ себѣ органическую, родовую основу личной жизни, а съ другой — оно есть сверхличное, разумное, нравственное цѣлое, продуктъ собирательнаго разума. На низшихъ ступеняхъ общественнаго развитія преобладаетъ безсознательное родовое начало, на высшихъ — общественныя отношенія все болѣе и болѣе подчиняются сознательнымъ разумнымъ нормамъ. Такимъ образомъ эволюція личности и общества и ихъ разумный прогрессъ взаимно обуславливаютъ другъ друга. Какова же цѣль этого прогресса?

Съ эмпирической точки зрѣнія видимой цѣлью исторіи является созиданіе совершеннаго общества; общественные союзы, появляющіеся отъ начала, вступаютъ во взаимное столкновение, въ общую борьбу за существованіе, въ которой выжи-

вають найбільше прочні, сильні, жизнеспособні організації, найбільше солідарні, розумні і культурні. І такимъ путемъ виникають держави. — Для багатьохъ мислителів ідеальне культурне державство, правове, розумне союзу людей і єсть вищою ідеальною цілью людства. Державство єсть вище людське моральне існування, втілення об'єктивного, збирацького розуму: це Лівіаанъ Гоббса, земне божество Гегеля. Для багатьохъ державство єсть лише ступенню в об'єднанні или збиранні людства в єдине ціле, єдине „Велике Існування“, le Grand Etre, якъ називавъ його Кант. Розумна ціль людства не може закінчатися в безкінечному породженні воюючих, ворожючих держав, чудовиських лівіаанів, суперничаючих в величині і руйнівній силі і пожираючих друг друга. Велике Існування майбутнього, істинне земне божество или божественне суспільство, повинно об'єднати все людство і здійснити царство розуму, миру і свободи. Воно одне може служити кінцевою цілью людства во всемъ його цілому, і до неї йдуть народи в общекультурній роботі своїх держав, в своїх війнах, союзах, революціях і реформах, в своїй промисловості, техніці, мистецтвах і науках. Уже тепер людство перестало бути відірваністю і стало реальною величиною, всі частини якої знаходяться в взаємній залежності, во все більше і більше енергичному економічному і політичному взаємодії між собою; уже тепер ні один народ не замикається в вузькі рамки національного існування, а живе і діє в одній всесвітній політичній арені; уже тепер одна общевропейська культура з кожним днем сильніше і сильніше утверджує своє нерозривне панство в світі, осуджає всі низші, неідеальні культури на вимирання или переродження. Кінцеве єднання розуміється ще дуже далеко. Незважаючи на зростаюче спілкування і зближення народів, на зростаючу залежність, їх ворожба загострюється, їх озброєння стає все більше і більше грозним, хоча найбільша небезпека взаємного вбивства будить всеобщу жадність миру і викликає потребу в розумній вселюдській організації, забезпечуючій такий мир. Але якщо б кінцева ціль людства лежала настільки далеко від настоящего, якъ це теперішнє — від того диких первісного стану, з якого людство почало свій шлях, то і тоді чело-

вѣчество* достигло бы своей цѣли. Тѣ, кто вѣрятъ въ прогрессъ и въ разумъ, видятъ въ мукахъ человѣчества родовыя муки и вѣрятъ, что оно породитъ изъ себя всечеловѣческое Великое Существо, которое осуществить въ себѣ конечный идеалъ.

Съ такой точки зрѣнія работа народовъ представляется какъ теургическая работа, а историческій процессъ, какъ длинный и мучительный теогоническій процессъ, завершеніемъ котораго должно быть рожденіе послѣдняго высшаго божественнаго эона міра. Древнія теогоніи указывали начало этого процесса въ хаосѣ и тьмѣ, изъ которыхъ родились и первые боги народовъ; онъ протекаетъ черезъ рядъ эоновъ, черезъ поколѣнія борющихся боговъ, исполиновъ и чудовищъ, которые побѣждали другъ друга, царствовали и падали смѣняя другъ друга во власти надъ міромъ.

Въ этихъ образахъ, общихъ столькимъ народамъ, заключается какъ-бы естественный апокалипсисъ человѣчества. Народы олицетворяютъ себя въ своихъ богахъ, и апокалиптика видитъ ихъ въ образѣ чудовищныхъ многоголовыхъ звѣрей, воюющихъ между собою. Подъ этими мифическими видѣніями скрывается первое непосредственное сознаніе реальныхъ силъ, борющихся въ историческомъ процессѣ, тѣхъ реальныхъ „потенцій“ исторіи, которыя смѣняютъ, одолеваятъ, но не упраздняютъ другъ друга до конца. Кто побѣдитъ въ послѣдней борьбѣ? Свѣтлые боги европейцевъ, побѣдившіе чудовищныхъ титановъ Востока и подѣлившіе между собою міръ? или возставшіе титаны, которые овладѣваютъ ихъ оружіемъ? или трудолюбивые нибелунги, подкопавшіе аристократическую Валгалу боговъ и героевъ? Въ какомъ образѣ явится Великое Существо грядущаго человѣчества? Въ образѣ одухотвореннаго Человѣка, „Сына человѣческаго“, который будетъ „пасти народы“, или въ образѣ многоголового „звѣря“, новаго всемірнаго левіаѳана, который растопчетъ народы, поглотитъ ихъ и поработитъ себѣ все?

Какъ далеко ни ушли мы отъ древнихъ апокалипсисовъ и теогоній, эти вопросы стоятъ передъ нами. И это не праздныя гаданія объ отдаленномъ будущемъ, это нравственные вопросы настоящаго. Есть ли левіаѳанъ Гоббса, левіаѳанъ государства, все равно, національнаго или всемірнаго, высшая и окончательная форма человѣчества, его истинная и конечная цѣль? Неужели онъ есть земное божество, которому могутъ и должны приноситься въ жертву гекатомбы народовъ? Что дастъ человѣку такой левіаѳанъ, кромѣ увѣковѣченія его гнета и

рабства? Его сила не упразднить внутренней розни, не создать братства людей; его мудрость, его просвѣщеніе и знаніе, чудеса его искусства и техники не преобразятъ человѣка, не побѣдятъ звѣря въ человѣкѣ, не избавятъ человѣка отъ его духовныхъ и физическихъ немощей, болѣзней и смерти и, главное, не искупятъ страданій и жертвъ исторіи, гибели прошлыхъ поколѣній. Но съ другой стороны можетъ ли человѣчество надѣяться на нѣчто большее и лучшее? Побѣдитъ ли оно когда-нибудь въ себѣ звѣря, преодолѣетъ ли оно левіагана, чтобы осуществить иной высшій и свободный союзъ? Осуществимъ ли идеалъ Церкви Христовой, идеалъ царства Божія на землѣ, — единого, блаженного всечеловѣческаго тѣла, идеалъ одухотвореннаго, преображеннаго человѣчества, въ которомъ воплощается Божество истины и любви? Такой идеалъ, безспорно, достоинъ желанія и для человѣка и для человѣчества, заключающій въ себѣ искупленіе отъ всѣхъ золъ. Но соответствуетъ ли онъ нашей природѣ, достижимъ ли онъ, составляетъ ли онъ возможную и дѣйствительную цѣль, общую, конечную цѣль человѣчества, — это зависитъ отъ того, истинно ли христіанство, и есть ли Христосъ дѣйствительное откровеніе живого смысла міра — егѡ Логосъ или Слово. Ибо для осуществленія такого идеала недостаточно еще ограниченнаго господства разума и добра въ человѣкѣ, — нужно, чтобы разумъ и добро господствовали во вселенной.

Разумъ даетъ господство человѣку и разумомъ человѣкъ побѣждаетъ природу. Но господствуетъ ли разумъ въ мірѣ и въ самой судьбѣ человѣка, и можетъ ли ограниченный, формальный умъ человѣка, обратиться въ актуальный совершенный разумъ, во всесильное божественное начало? Если разумъ господствуетъ въ мірѣ, то онъ есть начало и конецъ міра, и онъ долженъ осуществить, воплотить себя въ мірѣ, созидая самый хаосъ въ свѣтлое и разумное тѣло, въ образъ *разумнаго существа* или въ царство разумныхъ существъ. Онъ есть то Слово, которое было отъ начала, „безъ него же ничто не бысть еже бысть“.

Но если начало міра есть хаосъ и ночь, то и конецъ его — въ хаосѣ и ночи, и въ настоящемъ они должны господствовать. Хаосъ самъ изъ себя родилъ сознаніе и разумъ въ процессъ своего движенія; ночь сама изъ себя родила свѣтъ,

Тотъ гордый свѣтъ, что мать свою, ночь,

Стремится низложить и съ мѣста гонить прочь,

Но безуспѣшно: — сколько свѣтъ ни тѣнится,
Къ тѣламъ онъ лѣпится, тѣламъ красу даетъ
И вмѣстѣ съ ними гибель его ждетъ.

Какъ случай хаоса и ночи, свѣтъ сознанія, разумъ, никогда не можетъ побѣдить окончательно хаосъ и ночь темную, безсознательную основу существованія. Въ самомъ себѣ, въ глубинѣ своего духа, человѣкъ находитъ эту основу въ безотчетномъ стремленіи къ жизни, въ слѣпомъ инстинктѣ самоутвержденія, который Шопенгауэръ сводилъ къ бессознательной волѣ (Wille zum Leben). Разсудокъ вооружаетъ этотъ инстинктъ и служитъ особи въ борьбѣ за существованіе, въ сложномъ приспособленіи къ средѣ; онъ служитъ орудіемъ для успѣшнаго достиженія тѣхъ цѣлей, которыя преслѣдуетъ особь подъ внушеніемъ своихъ инстинктовъ, и постольку онъ развивается и сохраняется въ смѣнѣ поколѣній посредствомъ естественнаго отбора, наслѣдственности и воспитанія. Но, освобождая особь отъ чрезмѣрнаго гнета жизненной борьбы, онъ и самъ, на извѣстной ступени своего развитія, эмансипируется отъ своей служебной роли, отъ своей чисто технической, прикладной дѣятельности: онъ становится теоретическимъ разумомъ. И тамъ, гдѣ произошла такая эмансипація, гдѣ разсудокъ перестаетъ служить слѣпому инстинкту, — теоретическое познаніе и размышленіе неизбежно должны привести его къ сознанію безцѣльности, неразумія, несчастья человѣческаго бытія. При такомъ сознаніи конечною цѣлью человѣка или объединеннаго человѣчества можетъ быть лишь самоупражнение и борьба съ тѣмъ инстинктомъ, который заставляетъ насъ поддерживать несчастное и бессмысленное существованіе. Надежды на положительное торжество разума въ дѣйствительности быть не можетъ; остается только отрицаніе жизни, проповѣдь пессимизма, пробуждающаго человѣчество отъ его иллюзіи, отъ сна земного существованія.

Это два міросозерзанія, положительное и отрицательное, изъ которыхъ первое примыкаетъ къ христіанству, а второе къ индійской философіи и буддизму. Въ настоящемъ трудѣ мы хотимъ рассмотреть происхожденіе перваго изъ нихъ, — того, которое признаетъ разумъ, какъ объективное всемірное и сверхмірное начало. Быть можетъ, оно въ себѣ самомъ заключаетъ свое оправданіе: мы не можемъ понять, какимъ образомъ разумъ возникаетъ самъ собою изъ чего-либо чуждаго разуму и мы не въ силахъ объяснить его иначе, какъ изъ разума же; та реальность, которую мы сознаемъ въ глубинѣ нашего духа, тотъ

свѣтъ разума, въ которомъ мы мыслимъ и познаемъ себя самихъ и всѣ вещи, служить намъ естественной точкой отправленія, и, погасивъ этотъ свѣтъ, мы должны отказаться отъ всякаго познанія. Мы говорили уже, что всякая разумная человѣческая дѣятельность предполагаетъ вѣру въ разумную цѣль человеческой жизни, и мы убѣждены, что философскій анализъ нашего разума, нашего опыта, нашихъ познавательныхъ процессовъ, всего нашего сознанія, оправдываетъ нашу вѣру въ разумъ и приводитъ насъ къ обоснованному идеализму. Идея высшаго, универсальнаго Разума возникаетъ изъ умозрѣнія, приходящаго къ сознанію своего высшаго начала — изъ необходимаго развитія философской мысли, спрашивающей себя о смыслѣ жизни, о смыслѣ существованія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ мы надѣемся доказать и какъ это показываетъ христіанство, она есть и результатъ реального нравственнаго опыта, пережитого, сознаннаго и продуманнаго человѣчествомъ. Безъ такого опыта умозрѣніе оставалось бы отвлеченнымъ и беспочвеннымъ, не проникло бы въ убѣжденіе людей; безъ умозрѣнія самый опытъ не былъ бы продуманъ и усвоенъ разумомъ человѣка.

Изслѣдуя происхожденіе и развитіе какой-либо идеи мы должны, путемъ тщательнаго изученія и анализа историческаго процесса, отдать себѣ ясный отчетъ о всѣхъ факторахъ, обусловливавшихъ данную идею, о всѣхъ моментахъ ея развитія. Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ одной изъ величайшихъ идей, которая связана неразрывно съ основными вопросами человеческого духа, и ея полная исторія могла бы быть изложена лишь въ связи съ исторіей человеческого духа во всемъ ея объемѣ. Поэтому мы должны поневолѣ ограничить нашу задачу тѣми вопросами, которые мы поставили въ началѣ: *какимъ образомъ возникла идея Логоса въ греческой философіи, и какъ и почему она была усвоена христіанскою мыслью, обогащенная новымъ христіанскимъ содержаніемъ?* И эта задача, несмотря на множество крупныхъ и превосходныхъ изслѣдованій, ей посвященныхъ, представляется настолько великой и сложной, что было бы страннымъ и дерзкимъ заявлять притязаніе на ея окончательное рѣшеніе. Историческое самосознаніе человеческой мысли не можетъ быть дѣломъ отдѣльныхъ ученыхъ или философовъ; оно есть результатъ великой и неустанной коллективной работы, и самое скромное участіе въ ней вознаграждается сознаніемъ значенія и плодотворной силы этого общаго труда.
